

ЗНАКИ СУДЬБЫ

Марина Ефимова

*Влюбленный
призрак*

Марина Ефимова

Влюбленный призрак

«ЭКСМО»

2014

Ефимова М. В.

Влюбленный призрак / М. В. Ефимова — «Эксмо», 2014

Может ли быть такое, чтобы посреди белого дня с неба сыпались пурпурные цветочные лепестки, оседающие на тротуаре, путающиеся в волосах прохожих и вдруг превращающиеся в капельки крови?.. Может ли быть такое, чтобы недавно пропавший именитый художник в призрачном виде преследовал тебя?.. Раньше Зоя, закоренелая реалистка, не колеблясь, ответила бы: «Нет». Раньше – до тех пор, пока все это не начало происходить с ней самой.

© Ефимова М. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Ефимова

Влюбленный призрак

Глава 1

Гость

Однажды страшная женщина, держащая себя как богиня, подарила ему кольцо, и с тех пор его жизнь походила на крошечный ад. Он везде видел демонов – тени, спрятанные в людских сердцах. Никто не догадывался об их существовании, но он прозрел, а потому умел различать дьявольские печати в лицах.

Иногда тени вырывались на свободу, заставляя истерзанные человеческие души вопить от боли. Пространство наполнялось живыми угольно-черными клоками тьмы...

Он ощущал их присутствие даже на расстоянии и боялся выйти на улицу. В конце концов страх превратил его в затворника.

Когда-то он был художником. Вероятно, неплохим – его ценили. Но после «прозрения» он никому не показывал больше свои картины. Страшные полотна открывали истинные облики людей, обезображенные тенью. Он рисовал случайных встречных, знакомых, друзей и даже близких. Временами его охватывала ненависть к самому себе за то, что он больше не видел людские лица.

Он сходил с ума. Невозможно оставаться нормальным, когда мир вокруг походит на фильм ужасов! Лихорадочные попытки бороться с безумием ни к чему не приводили. Он глотал горстями таблетки. Сначала успокоительные пилюли затирали остроту восприятия и отгораживали его от теней, но очень скоро их действие ослабело. Тени стремительно разрушали его жизнь.

Он много раз возвращался в дом, похожий на белый куб, и просил избавить его от проклятья, умолял снять кольцо. Однако она смеялась ему в лицо и выгоняла. Душа женщины, полная теней, светилась от счастья, когда он сходил с ума и разрушал себя.

Сейчас он снова стоял на пороге дома, где она жила...

* * *

Октябрь выдался удивительный. В прохладном воздухе витала острая горчинка, ощущался аромат сухой опавшей листвы. По улицам тихо и уверенно, как кошка, шла осень. Небо было высоким, прозрачно-голубым. Однако солнце с каждым днем остывало все больше, и город мало-помалу смирялся с приближением неизбежных холодов.

Осеннее настроение добавляло товарам, продававшимся на блошином рынке, – расписной посуде, платкам, советским шапкам-ушанкам, – особенный шарм. Бойкая торговля всякой всячиной велась в исторической части города, рядом с допетровским кремлем с белыми стенами, превращенным в туристический развлекательный центр.

Мне всегда казалось, что разглядеть в откровенном хламе какую-либо ценность способны лишь истинные знатоки или всезнающие коллекционеры-любители. Моя младшая сестра Анечка, студентка Строгановского училища, как раз относилась к последней категории. Подобно гоголевскому помещику Плюшкину, она потихоньку тащила в дом всевозможную рухлядь и бережно припрятывала в своей сокровищнице – маленькой кладовке у кухни, где я когда-то мечтала организовать гардеробную.

Прогулка по блошиному рынку в поисках винтажной побрякушки в подарок сестре, как ни странно, доставляла мне удовольствие. Было интересно толкаться в сутолоке у стилизованных торговых палаток и рассматривать всевозможный хлам. Раньше я и представить не могла, какую ерунду сбывали торговцы старьем!

– Журнал «Крестьянка» за восемьдесят второй!

Газетчик почти в нос ткнул мне потрепанное, пожелтевшее издание. От неожиданности я громко чихнула и тихонечко отошла от пыльного прилавка.

Надо признаться, что кое-что в блошином рынке меня все-таки раздражало: прогорклый запах ветоши и невероятная глупость людей, готовых за возмутительные деньги приобретать газеты тридцатилетней давности.

Знать бы раньше, что подобный хлам является ценностью, – ни один пыльный журнал «Смена», хранившийся на антресолях в бывшей теткиной квартире, не оказался бы в мусорном контейнере. Я бы приберегла макулатуру, а потом спустила с молотка на известном интернет-аукционе. Собственная расточительность вызвала во мне уныние.

Но вообще-то во мне жила уверенность, что определение «винтажный» специально придумали расчетливые торговцы, чтобы замаскировать некрасивое слово «старье». На блошином рынке старья имелось в избытке, так что я сломала голову: каким бы хламом осчастливить взбалмошную сестру?..

В сокровищнице Ани хранилось уже не менее трех десятков фигурок, фарфоровых кукол и прочей милой девичьему сердцу ерунды, так что статуэтки отпадали. Вслед за ними из списка подарков исчезли вещи, угрожающие чистоте дома, а значит, и моему спокойствию: сломанные печатные машинки, старые фоторамки, пыльные семейные фотоальбомы. Выбор пал на украшения: в них, в отличие от антиквариата, сестра разбиралась из рук вон плохо.

Повернув на торговую аллею, где продавали всевозможные побрякушки, я побрела между палатками. Взгляд остановился на лотке с бижутерией, на вид совершенной безвкусицей. Вдруг среди аляповатых серег, жемчужных бус и тяжелых перстней что-то блеснуло. Показалось, что зеркальный осколок отразил солнечный луч. Заинтересовавшись, я приблизилась к прилавку и заметила простенькое колечко с выгравированной на нем цепочкой необычных символов. В гряде откровенных дешевок кольцо завораживало изяществом.

Меня точно кто-то подтолкнул в локоть, заставляя протянуть руку к украшению.

– Можно взглянуть? – не глядя на хозяйку товара, спросила я и осторожно взяла кольцо.

Находка оказалась удивительно легкой. Приблизив кольцо к глазам, я внимательно всмотрелась в незнакомые символы.

– Хороший выбор, – похвалила продавщица. – Это кольцо приносит счастье, защищает от порчи и злых духов.

– Злых духов, говорите? – машинально повторила я, не в силах оторваться от созерцания неведомых рун.

В голове зашумело, вокруг точно бы разнеслись едва слышные шепотки. На одно сумасшедшее мгновение показалось, что символы едва заметно задрожали...

Но тут в кармане плаща ожил мобильник. Громкое треньканье ворвалось в сознание и вывело меня из странного транса. Дернувшись всем телом, я точно проснулась и пробормотала:

– Извините.

На экране светилась скорбная надпись «Нерадивая фея», и спокойный выходной моментально утратил большую часть своего спокойствия.

Уже семь лет я работала организатором детских праздников в фирме «Волшебный ключик». В штате агентства состояло почти три десятка актеров, мнивших себя гениями театральных подмошток. Еще десяток сотрудников – менеджеры – не выдерживая взрывного характера шефа, менялись с такой частотой, что не всегда удавалось запомнить их лица. Неизменным оставались лишь Борис Иванович – босс, офисный тиран и личный психолог для штатных

актеров, да я, не страдавшая депрессиями и при необходимости заменявшая «великих» лицедеев, когда те погружались в глубокую меланхолию и исчезали на пару недель.

– Только не говори, что ты забыла крылья! – выпалила я в трубку вместо приветствия и услышала сдавленный смешок продавщицы.

– Хуже, Зоюшка! – заныл слезливый, тоненький голосок. – Я забыла адрес!

Перед мысленным взором появился образ светловолосого неземного создания, чьей карьерной вершиной стал коротенький рекламный ролик лекарства от насморка. С «феей» всегда случались чудеса, как правило угрожавшие моей квартальной премии, так что, несмотря на выходной, я была во всеоружии.

– Подожди! – посторонившись, чтобы не мешать другим покупателям, я вытащила из сумки порядком потрепанный рабочий блокнот и открыла заложенную страницу с адресом заказчика. – Записать можешь?

– У меня ручки нет.

– Головы у тебя нет! Жди, сейчас сообщение пришло!

Отключившись, я принялась поспешно набирать сообщение с адресом и точные инструкции к выступлению, но услышала голос хозяйки лотка с украшениями:

– Девушка, вы кольцо брать будете?

– Какое кольцо? – в горячке не сразу осознавая, что нахожусь на блошином рынке, я свела брови и с недоумением поглядела на колечко в кулаке. – Ах, кольцо!

– Примерьте.

Меня бессовестным образом подталкивали к покупке.

Надевать украшение не возникало никакого желания. Несмотря на тепло ладони, металл по-прежнему сохранял тревожный, мертвенный холод. Однако обижать хозяйку, потерявшую со мной достаточно времени, было неловко.

С виду колечко было великовато, но, как ни странно, село на средний палец точно влитое. Вытянув руку, я критически пригляделась к безделице. Мистическая подоплека наверняка бы пришлась сестре по вкусу, но странное наваждение прошло, и прелесть простенькой безделицы истаяла.

– Нет, я не буду его брать. Оно недостаточно поношенное.

У торговки полезли на лоб брови.

– Понимаете, у него совершенно свежий вид, – пустилась я в туманные объяснения. – Нет ни царапин, ни потертостей. Или что там еще нужно для винтажности?

– Вы правы, оно выглядит новым, но если вы считаете, что винтажность заключается в царапинах... – Собеседница вытянула губы уточкой, пытаясь придумать способ состарить побрякушку, и просияла: – Можем наждачкой подпортить!

– Пожалуй, не стоит.

Я попыталась снять украшение с руки. Однако ободок словно уменьшился в размерах и нешуточно впился в кожу. Сердце нехорошо екнуло. Нервно улыбнувшись продавщице, я потянула по сильнее и тут же ощутила неприятное стягивание кромок.

– Какая-то нелепица... – промычала я сквозь зубы, пытаюсь свинтить кольцо, как гайку. Фаланга опухала прямо на глазах, побрякушка окончательно угнездилась на пальце.

– Застряло? – насторожилась торговка.

– У вас есть крем для рук? – сконфуженно спросила я.

– Зачем?

– Ну, уж конечно, не цыпки полечить, – раздосадованно проворчала я и, сдаваясь, полезла в сумку за кошельком. – Сколько, вы говорите, стоит кольцо?

От озвученной суммы нехорошо сдавило горло. Судя по стоимости, тоненькое ледяное колечко было обязано принести мне очень много счастья, причем крупным оптом.

* * *

В маленькой кухоньке бормотал телевизор, включенный на новостной канал. В окна заглядывала вечерняя темнота, расцвеченная уличными фонарями. На плите остывала пустая раскаленная сковородка с маслом, в миске заветривался фарш для котлет.

Не обращая внимания на время, я развернула отчаянную борьбу, чтобы избавиться от невольно купленного украшения. Не помогли ни мыло, ни крем, ни масло – сустав распух, да под кромкой кольца болезненно треснула кожа. Приблизив руку к самому носу, я присмотрелась к ранке. Вдруг показалось, что на кольце снова, как на рынке, дрогнули символы.

Кольцо словно ожило и нагрелось. Рунические знаки медленно завращались по окружности ободка, как бесконечная бегущая строка. Учítывая, что без линз мир вокруг меня походил на размытое пятно, искренне хотелось верить, что виной необъяснимого явления была слабость зрения, а не помутнение рассудка.

Нацепив на нос очки, чтобы разглядеть странный оптический эффект получше, я остолбенела. Движение знаков ускорилось, цепочка превратилась в сплошную смазанную линию.

– Зоя?

От звука собственного имени, произнесенного над самым ухом, я подскочила на месте и до крови прикусила язык.

– Черт!!!

– Ты чего? – раскрасневшаяся от вечернего холода сестра испугалась не меньше меня самой.

– А ты чего подкрадываешься со спины?! – От неожиданности и страха сердце колотилось так сильно, точно хотело вырваться из груди.

– Я тебя раз десять звала, но ты не отвечала. – Ничуть не обидевшись на резкость, Аня пожалала плечами, заглянула в пустую сковородку, с разочарованной миной понюхала миску с фаршем. – О, у нас сегодня на ужин сырой фарш с луком?

Глазастую, хорошенькую, как картинка, Аннушку воспитывали в баловстве и неге, а потому выросла она совершенно не приспособленной к жизни. Иногда казалось, что сестра искренне полагает, будто продукты производит холодильник, полы моет человек-невидимка, а кастрюля сама варит суп.

Зато эта бездельница, не ведавшая, какие чудеса чистоты творят обычные веник и совок, обладала чрезвычайно удобным свойством – имела избирательный слух. Она словно бы не замечала моего ворчания или дурного настроения в особенно паршивые дни. Наверное, поэтому мы сумели ужиться в одной квартире, после того как она, поступив в Строгановское художественное училище, переехала ко мне от папы.

– Как прошел день? – мой вопрос повис в воздухе, потому что сестра уже исчезла в глубине квартиры.

– Иди сюда! Я закончила зачетную работу! – позвала она из прихожей.

Вытирая руки вафельным полотенцем, я вышла из кухни. С сияющим видом Аня вытаскивала из огромной папки замусоленный даже с изнанки ватман.

– Размер один к одному с оригиналом – нужно смотреть издали, – выставив ладонь для пущей убедительности, заявила студентка.

С торжественной миной она повернула рисунок. Большой лист был покрыт крупными мазками черной туши, а посередине контрастно выделялось яркое алое пятно. Однако стоило сосредоточиться, как хаотичные на первый взгляд линии складывались в очертания твердого рта с розой в зубах, резко диссонирующей с черно-белой гаммой. Даже на мой неприятный вкус профана все выглядело ужасно.

Пауза тянулась неприлично долго.

Я была уверена, что положительная оценка за откровенную пошлость художнице-третьекурснице не светила, и пыталась придумать ободряющий комментарий.

– Ничего не говори! – скривилась Аня. – У тебя на лице написано «чудовищно»!

– Ну...

– Это не «ну»! Я копировала Алекса Протаева, цикл «Части тела и розы»!

– Хм? – промычала я, неопределенно взмахнув рукой, как всегда делала, когда не находила слов.

– Зой, тебе же ничего не говорит имя Алекса Протаева?

– Э-мм? – для пушей убедительности я поправила очки.

– Скажи мне, кто сейчас не знает Протаева? – судя по складке между бровок, сестра начинала сердиться, но дар речи отказывался ко мне возвращаться.

– Ну, не то чтобы...

– Зой, да он сейчас популярнее Шагала! – Аня разочарованно покачала головой и аккуратно убрала рисунок обратно в папку. – Он даже выставлялся в музее «Метрополитен»!

– Да неужели?! – хмыкнула я, возвращаясь на кухню.

– Ты не знаешь, что такое музей «Метрополитен», – с укором констатировала девчонка, следуя за мной.

– Я знаю... – поймав скептический взгляд сестры, я осеклась и пообещала себе хотя бы залезть на сайт самого знаменитого музея Нью-Йорка, чтобы в следующий раз не попасть впросак. – Знаю, что такое музей «Метрополитен». Просто мне страшно представить, куда именно твой гений Протаев воткнул розу на картине с ягодицами.

– Он нарисовал татуировку, – сухо оповестила Аня, внимательно следя, как я перемешиваю фарш.

– Мудро! И почему он так популярен?

– Зоя, ты новости смотришь?

– Смотрю, – кивнула я, стоя затылком к включенному телевизору. – Каждый день.

– Сейчас имя Протаева только глухой не знает! Он исчез четыре месяца назад!

– Глухой?

– Протаев! Как раз перед самой выставкой. Представляешь? Человек выехал из дома, чтобы лететь в Нью-Йорк, а до аэропорта не добрался, как будто в воздухе растворился.

Аня поднялась со стула и тут спохватилась:

– Забыла сказать! Звонила мама.

– Вот как... – Нахмурившись, я включила плиту и с нарочито сосредоточенным видом поводила ладонью над холодной конфоркой. – И как она?

– Хорошо. Сейчас живет в Ницце. Но ты бы узнала об этом лично, если бы иногда отвечала на ее звонки.

На справедливое замечание я не нашлась, что ответить, ведь с матерью мы практически не общались. Родители развелись. Для меня до сих пор оставалось секретом, что общего в течение четырнадцати лет находили сухарь-военный, обожавший строевую муштру, и не обремененная хозяйственным талантом художница. Они разъехались без ссор, скандалов или дележа имущества. Мы с сестрой остались с отцом в военном городке рядом с границей под Китаем, куда въезд разрешался только по пропускам. Понадобился десяток психологических тренингов и две расстановки по Хеллингеру, чтобы признаться в грустной правде: даже с годами мне не удалось простить мать, променявшую семью на жизнь свободной художницы. Не хотелось бы показаться мелочной, но меня тешило, что ни одна из ее картин не стала известной.

Внезапно на кухне на полную мощность заорал телевизор, и, вырванная из тяжелых раздумий, я испуганно вздрогнула.

– Ровно четыре месяца назад исчез известный художник Алексей Протаев, автор знаменитых графических циклов «Части тела и розы» и «Люди, как птицы»... – четким, приятным голосом говорила ведущая теленовостей.

Громкость была оглушительная. Схватив пульт от телевизора, я попыталась уменьшить звук. Кнопка почему-то не срабатывала, зато неведомым образом переключился канал.

– Чтоб тебя!

В кухне загромыхал голос ведущей с телеканала «Культура»:

– Сегодня из официальных источников, подтвержденных семьей пропавшего, стало известно, что розыск Алексея Протаева прекращен.

Видимо, сюжет о пропавшем художнике был горячей новостью.

Практически оглушенная, я с раздражением тыкала в пульт, пытаюсь уменьшить громкость. А на экране появилась фотография кумира моей младшей сестры. Он выглядел молодо, чуть за тридцать. Буйная рыжая копна обрамляла худое бледное лицо со стальными глазами и прямым носом. На губах играла открытая и обаятельная улыбка. Мужчина показался смутно знакомым, и внезапно у меня в голове всплыло воспоминание о дикой истории, случившейся со мной прошлой весной. Я ехала на такси к заказчику, но попала в глухую пробку. Вдруг какой-то псих распахнул дверь машины, на глазах у людей выволок меня наружу и принялся тискать. Он бормотал непонятные вещи, требовал, чтобы я его вспомнила или что-то вроде того. Слава богу, что за меня вступился таксист: он оттолкнул сумасшедшего, усадил меня в машину, и мы уехали.

С фото на экране на меня смотрел тот самый безумный субъект.

Пораженная неприятным открытием, я отключила телевизор, нажав кнопку сети. После невообразимого шума на кухне стало так неестественно тихо, что зазвенело в ушах.

– Какое счастье.

Однако стоило мне вернуться к приготовлению затянувшегося ужина, как вдруг воздух содрогнулся от оглушительно заоравшего телевизора. Подпрыгнув от страха, я едва не поранилась мясным тесаком и отшвырнула нож в раковину.

– Да что ты будешь делать?!

Испуганная неожиданно взбесившейся техникой, я со злостью выдрала из розетки телевизионный провод. В квартире вновь установилось безмолвие. Однако тишина казалась нехорошей,стораживающей – в какой хочется прислушиваться к каждому шороху.

Тут как оглашенный завопил лежащий на столе мобильник. Взвизгнув, я всплеснула руками. Сердце подпрыгнуло к самому горлу. Номер на экране не определился.

– Алло? – хриловатым голосом буркнула я в трубку.

– Розыск пропавшего четыре месяца назад художника Алексея Протаева был прекращен... – раздался бездушный голос автоответчика, в обычное время объявляющего о том, что абонент находится вне зоны действия сети.

– Это шутка такая?! – заорала я в телефон и поскорее отключила вызов.

Я чуть не швырнула аппарат в стену, остановила лишь мысль, что от удара он, скорее всего, разлетится на части. И мне самой придется просидеть до утра «вне зоны доступа сети», а подобные фортели обычно плохо сказывались на квартальной премии.

– Зойка, ты чего орешь как резаная? – донесся из спальни голос Ани.

– Ничего! – выкрикнула я в ответ, бессильно сжимая аппарат побелевшими от напряжения пальцами. – Все нормально.

Тут в воздухе резко запахло табаком, словно кто-то закурил в прихожей. Борясь с дурной привычкой, я десять дней не притрагивалась к сигаретам и почти переплюнула рекорд прошлого месяца, так что внутри появилось глухое раздражение.

Входная дверь легко открывалась от любого сквозняка, а сестра вечно забывала запирать замок. Скорее всего, сосед дядя Толик, любивший подымить на лестничной клетке, в очеред-

ной раз с жадностью разглядывал в приоткрытую дверь интерьер нашей завешенной студенческими акварелями квартиры на предмет чего-нибудь стырить.

– Сколько раз просила закрывать замок!

Недовольно ворча, я выглянула в коридор. Дверь была надежно заперта.

Тут кто-то точно бы выдохнул в спину целое табачное облако, даже в горле запершило. На секунду меня охватило оцепенение, по спине побежал холодок, зато ладони вспотели. Не зная, чего ожидать, я резко развернулась на пятках.

Посреди кухни стоял высокий рыжеволосый мужчина. На кудрявой шевелюре и на плечах вельветового пиджака лежал иней. Ресницы и брови тоже были белыми, заиндевельными, а лицо – застывшим, как у статуи. Зрачок в холодных, стальных глазах походил на острую черную точку. Даже не обладая фотографической памятью, я вмиг узнала исчезнувшего Алексея Протаева.

В голову пришла идиотская мысль, что он появился здесь, чтобы поскандалить: ведь я так нелестно отзывалась о его творчестве! Но тут же я осознала, что у живого человека просто не может быть такого воскового цвета кожи, по-рыбы пустых глаз и замерзших ресниц.

Изумленная нелепостью идеи, что я, как в убогом мистическом триллере, узрела мертвого человека, я даже не испугалась. Может быть, совсем чуть-чуть, самую малость...

Секунду спустя колени у меня подогнулись. Я стала проваливаться в темноту. Краешком ускользающего сознания еще успела расслышать нечеловеческий, полный ужаса вопль, но не успела понять, что он принадлежал мне самой.

Глава 2

Клуб безумцев

В кабинете невролога отчетливо пахло валерьянкой. Из большого окна струился солнечный свет и отлично просматривался больничный парк. То и дело из приемной заглядывали нетерпеливые пациенты, но тут же исчезали за дверью.

С дотошностью исследовав снимок моего головного мозга, эскулап принялся что-то писать в больничной карточке. Складывалось впечатление, будто заполнение бумаг – более важное дело, нежели объяснение диагноза пациенту, сходящему с ума от одной мысли, что он сходит с ума.

– Доктор, и все же... – Я поерзала на стуле и, прежде чем озвучить пугающий вопрос, с силой сжала пальцами сумочку: – Со мной что-то не так?

– Поверьте, вы здоровы! – на лице эскулапа появилась приятная улыбка. Импозантный и дородный, он вызывал симпатию. – Во всем виноват стресс. Вам нужно больше отдыхать.

– И галлюцинации тоже бывают от стресса? – спросила я и тихо пробормотала, точно нас подслушивали из коридора:

– Понимаете, я не случайно упала в обморок, а сильно испугалась – мне привиделся мертвый человек!

– Стресс – страшный враг! – не поднимая головы от записей, уверил меня эскулап, но, похоже, даже не услышал последней фразы.

Со слов профессора выходило, что нормальный, душевно здоровый человек вполне способен обнаружить на своей кухне призрак мертвеца. Какое облегчение!

– Подождите, – опомнился невролог, – у вас были галлюцинации?

Похоже, все-таки привидения нормой не являлись.

– В некотором роде...

Я уже пожалела, что сглупила и задала вопрос. Искренне хотелось верить: у меня переутомление, а не начальная стадия шизофрении.

– Угу...

Доктор что-то быстро настроил в карточке, а потом на больничном бланке. Это было направление к психиатру. К нему прилагался рецепт на лекарства, гарантирующие беспробудный сон во время бомбежки и абсолютное спокойствие даже в авиакатастрофе. Сомневаюсь, что я решилась бы попробовать хотя бы одно из подобных средств.

Вяло попрощавшись с доктором, расстроенная, я выскользнула в людный коридор, где маялась длинная очередь. Аня дожидалась меня, прислонившись спиной к стене, и что-то с интересом изучала в телефоне.

Стоило двери закрыться за моей спиной, как в коридоре замигали лампы и отключился свет. Народ с возмущением загалдел. В потемках вспыхнули экраны мобильных телефонов, заменивших фонарики.

Сестра тоже посветила телефоном. Она, конечно, не могла видеть, что яркий луч, разрезав темноту, скользнул по неподвижному бледному лицу с крепко сжатыми бледными губами и мертвыми прозрачно-голубыми глазами.

Там стоял восставший из небытия Алексей Протаев. В людном больничном коридоре художник выглядел еще кошмарнее, чем в свое первое появление, и казался гораздо реальнее, чем пугающая галлюцинация воспаленного мозга.

Тяжелый взор пустых, безжизненных глаз ощущался даже через темноту. Меня затрясло, ноги точно приросли к полу – ни пошевелиться, ни сделать крошечного шага. Хотелось кри-

чать, наплевав на полный коридор свидетелей, но рот беззвучно открывался и закрывался, как у выброшенной на берег рыбы.

Между тем незваный гость прислонил к стене ладонь, как раз над макушкой ничего не подозревающей Ани. От касания мертвой руки по краске стремительно разлетелся льдистый узор, похожий на грубые трещины. Сестренка зябко поежилась, поплотнее закуталась в куртку, словно вдруг замерзла в отапливаемом помещении.

Глядя мне глаза в глаза, он стал медленно опускать руку на плечо жертвы, и от паники ко мне вернулся дар речи:

– Аня!

Звук моего голоса с истеричными нотками отпугнул потустороннего визитера. Он мгновенно исчез. В этот миг дали электричество, и люди по-совиному захлопали глазами, привыкая к свету.

– Ты уже? – Заметив меня, сестра спрятала мобильник в сумочку. – Что сказал врач?

Ужас постепенно отступал. С трудом я заставила себя оторвать взор от струившейся по стене растаявшей воды: единственного доказательства, что мертвый художник не был плодом моего больного воображения.

– Надо больше отдыхать, – заторможенно произнесла я и несколько раз повторила то же самое в уме, как мантру.

Мы направились к лифтам.

– Ты уверена, что он хороший специалист? – проворчала Аня. – Ты упала в обморок с таким воплем, как будто увидела мертвеца!

От того, что девчонка совершенно случайно попала в самое яблочко, у меня вырвался нервный смешок.

– А если увидела?

– Зойка, – она с комичной серьезностью глянула в мое осунувшееся от бессонницы лицо, – мы найдем другого врача!

На улице царствовало радостное солнце, и в ярких лучах хмурое осеннее увядание преобразалось в полное достоинства старение. Было приятно пройтись до остановки трамвая, полной грудью вдыхая прохладный октябрьский воздух, и на короткое время позволить себе забыть о «госте», разрушившем мою налаженную жизнь и поставившем под сомнение душевное здоровье.

Однако едва мы отделились от главного входа больницы, как налетел сильный, злой ветер. За короткое время небо заволкло тучами, словно вот-вот посыплется град, улицу окутали грязноватые сумерки, совершенно неуместные в середине дня.

– Надо же, как резко похолодало, – пробормотала Аня, поднимая повыше воротник куцей курточки. Я застегнула на все пуговицы светлое пальто и прикурила сигарету, с наслаждением выдохнув струйку сизого дымка.

Сестра с осуждением покосилась в мою сторону и нарочито помахала рукой перед носом, якобы рассеивая табачное облако.

– Что? – не вытаскивая изо рта сигареты, пробубнила я сквозь зубы и стряхнула прилипший к рукаву темно-красный лепесток розы.

– Ты же бросила курить.

– Попытка оказалась неудачной. Курение – отличный способ успокоить нервы.

– А еще – заработать рак легких!

– Ну, значит, в курении есть еще один плюс. Я буду умирать совершенно спокойной.

Аня несмешную шутку, конечно, не оценила и презрительно фыркнула. Вдруг я заметила, что у нее в волосах застрял бордовый нежный лепесток.

– У тебя тут... – пробормотала я, протягивая руку, а в следующее мгновение сверху посыпались мириады бархатных бабочек.

Невольно я подняла голову. Кружение лепестков походило на багряный смерч, закрученный в невиданные спирали. Подхватываемые ветром, они сталкивались, разлетались в разные стороны, опускались на головы и одежду прохожих, ложились на крыши автомобилей. Мягким ковром стелились на пожелтой осенней листве. Казалось, на небесах случился ураган, и все розы из райских садов в одночасье осыпались на землю.

Люди не обращали внимания на облака бордовых мотыльков, легко взлетающих под ногами. Я стала единственным зрителем и свидетелем потустороннего представления, а потому чувствовала себя окончательно свихнувшейся. Упавший на подставленную ладонь лепесток мгновенно растаял, оставив после себя кровавую лужицу.

– Зоя, ты чего замерла? – окликнула Аня, и я вскинулась, отрываясь от зачарованного разглядывания алой кляксы на руке. В следующее мгновение меня словно вытолкнуло из страшного сна в реальность. Буран исчез. Пространство очистилось, собирался дождь.

– Все хорошо? – обеспокоенно уточнила сестра.

– Да, – я принужденно улыбнулась, почувствовав, как от сухости лопнула нижняя губа, и выкинула недокуренную сигарету. – Все хорошо. Надо больше отдыхать.

Что ж, ни один сумасшедший никогда не признается, что на самом деле безумен.

* * *

Иногда кажется: если сделать вид, что в жизни не происходят события, о которых невозможно рассказать друзьям без риска заполучить клеймо сумасшедшей, то чертовщина сама собой закончится, забудется, как страшный сон. Я не желала бояться, а потому, натуженно хорохорясь, подтвердила все рабочие встречи на следующий день и в порыве энтузиазма (о чем немедленно пожалела) пообещала шефу при необходимости заменить многострадальную фею, уезжающую на съемки какого-то нашумевшего проекта, где она играла роль... в массовке.

В автобус, курсирующий по маршруту от метро до офисного центра моей конторки, с утра набивалась толпа. Пассажиры, теснясь и изредка переругиваясь, прели от духоты. Уцепившись за поручень, я висела на одной руке, а в другой держала глянцевый журнал с историей об Алексее Протаеве. Автобус трясся, люди напирали, мелкие буквы прыгали перед глазами.

Если верить статье, при жизни мой потусторонний гость являлся любимцем публики и обладателем необычайно легкого, светлого характера. Он собирался жениться на известной модели Софье Городецкой (вот она, на фотографии, – красивая улыбающаяся), был счастлив, удачлив и никак не мог превратиться в злобную сущность, атакующую совершенно незнакомого человека, то есть меня. Хотя с другой стороны, если бы Алексей имел хотя бы сотую долю описанных положительных качеств, то, скорее всего, сейчас бы продолжал радовать мир своим творчеством, а не терроризировал неуспокоенным духом ни в чем не повинных людей.

Неожиданно в салоне, несмотря на жуткое столпотворение, повеяло острым, зимним холодом, а под пальцами в секунду остыла металлическая перекладка. Народ принялся кутаться в одежды, занервничал.

– Кто открыл окно? – взревел недовольный женский голос. – Не май месяц!

– Не кричите на ухо! – обиженно огрызнулся молодой мужчина.

Люди загалдели, и, невольно привлеченная затевающейся перепалкой, я оторвалась от чтения заметки.

На окне, заменяющем запасной выход, на толстом, не слишком чистом стекле стремительно расцветали мерзлые узоры, словно на улице резко упала температура. Заиндевелые линии, похожие на крупные мазки кисти художника, разлетались по прозрачной глади. Изморозь вычертила красивый рот с зажатым между зубами цветком.

Неужели я опять одна это вижу?! Народ вокруг никакого удивления не проявлял, а значит, шоу снова предназначалось только для одного зрителя. Для меня.

У меня остановилось сердце. Очень медленно, прикусив до боли язык, чтобы не заорать в голос, я повернула голову. Призрак Алексея стоял среди пассажиров.

Я всегда была уверена, что нечисть боится света и никогда не появляется в разгар дня. Если припомнить, в фильмах и романах чертовщина обязательно происходит в потемках. Например, гоголевская панночка вставала сразу после полуночи, а прежде, чтобы добиться пугающего мрака, задувала в холодной церквушке свечи. Дьявольский бал Маргариты тоже происходил ночью...

Мы смотрели друг на друга в упор. Медленно, точно проверяя мою реакцию, призрак опустил руку на плечо женщины, по несчастью оказавшейся рядом с ним. От пальцев с синеватыми ногтями по кашемировой ткани посыпался иней. Не зная, что попала в лапы потустороннего чудовища, незнакомка поежилась от холода, втянула голову в плечи. Мне было страшно. Чем дольше Алексей держал руку, тем бледнее становилась жертва. Стремительно с лица сбегали краски, даже умелый макияж не мог этого скрыть. Под глазами у женщины появились темные круги, щеки впали. Из женщины уходили жизненные силы...

Неожиданно страх вызвал злость.

– Что ты от меня хочешь? Почему ты меня преследуешь? – Звук собственного, чужого и громкого, голоса заставил вздрогнуть. – Что я тебе сделала?! Оставь меня в покое!!!

Последнюю фразу я проорала, едва держа себя в руках. Крик, как тогда в больнице, спугнул привидение. Мертвый художник испарился в воздухе, и ментально в салоне автобуса стало легче дышать. На дорогой ткани красного пальто бедной дамы остался мокрый отпечаток мужской пятерни, как напоминание – дух не является плодом моего больного воображения.

– Девушка, вы в своем уме? Я вас даже не знаю! – через вату в ушах пробилося возмущенное восклицание. Это был щупленький, гладко выбритый мужичок, разглядывающий меня с непритворным возмущением. Похоже, ругаясь с невидимым противником, я вопила ему в лицо.

– Извините. К вам это не относится, честное слово! – сконфузившись, пробормотала я. – Вы весьма приятный молодой человек. Совершенно определенно. В смысле, наверное... Да.

Окончательно запутавшись, я вспыхнула и принялась пробираться к выходу, чтобы пешей прогулкой до офисного центра проветрить гудящие мозги.

Будь ты неладен, Протаев! Своими появлениями и угрозами то сводишь меня с ума, то превращаешь в буйного неврастеника. Может быть, доктор не так уж и ошибался, когда выписал мне успокоительные таблетки, способные превратить дикого мустанга в тихую рохлю?

* * *

К сожалению, прогулка помогла мало. Теперь у меня гудела не только голова, но и уставшие от высоких каблуков ноги. Кроме того, сильный ветер превратил аккуратно уложенные волосы в лохматую гриву, и настроение от просто паршивого скатилось до уровня откровенно отвратительного.

Агентство «Волшебный ключик», куда я пришла работать еще на третьем курсе института, снимало помещение под самой крышей стеклянного небоскреба. Лифт на последний этаж не доезжал, приходилось подниматься пешком два пролета по узкой лестнице. Однако неудобства с лихвой компенсировал сказочный вид на набережную, особенно потрясающий вечерами, когда в городе зажигались разноцветные огни.

С офисным центром соседствовала крошечная кофейня, располагавшаяся на первом этаже двухэтажного особнячка. В заведении продавали напитки навынос – там каждое утро царил полный аншлаг: сонные клерки пытались прийти в рабочее состояние. На втором этаже

прятался эзотерический клуб. Хозяйка «магической лавочки» в прошлом году выиграла телевизионную битву экстрасенсов, и в кафе стала околачиваться подозрительная публика, вероятно ожидавшая встречи с прорицательницей.

Обычно перед работой я забежала за эспрессо, чтобы половину стакана посмаковать, неспешно изучая ленту друзей в социальной сети, а остаток торопливо доцедить под сигарету на лестнице, как раз до приезда шефа. Сегодня же мне хотелось выпить утренний напиток залпом – поскорей растопить лежавшую в желудке глыбу льда.

Дверь в кофейню распахнулась со знакомым тонким перезвоном колокольчиков. Внутри пахло свежесваренным кофе, былолюдно и тепло, однако непривычно тихо. Причиной оказалась та самая прорицательница со второго этажа, спокойно ожидавшая заказа среди прочих посетителей.

Ясновидящая не замечала коллективной оторопи окружающих. До сегодняшнего дня я видела колдунью только на баннере, стоявшем напротив особняка. Провидица была высокой, худой женщиной, одетой в пальто апельсинового цвета, с вороньим гнездом на голове, подвзанным блестящим шарфиком.

С намеком на улыбку женщина приняла стаканчик и, стуча каблуками, направилась к выходу. Горьковатый запах кофе, витающий в воздухе, сменился липким ароматом духов прорицательницы. Неожиданно она остановилась в двух шагах от меня, будто бы что-то забыла.

– Что ты делаешь? – голос у провидицы оказался хрипловатым. Казалось, она обращалась к невидимке. – Идти не собираешься?

В помещении повисло оглушительное молчание. Посетители с недоумением переглядывались, пытаясь понять, к кому обращается эксцентричная женщина. Она резко развернулась, острый, точно заглядывающий под кожу взгляд остановился на мне. Краснея от смущения, я на всякий случай покрутила головой по сторонам и для надежности ткнула пальцем себе в грудь:

– Вы мне?

– Тебе ведь нужна моя помощь.

Это прозвучало скорее утвердительно, нежели вопросительно. От конфуза у меня загорелись уши.

– Вы ошибаетесь.

– Милочка, я никогда не ошибаюсь. Зачем терять время? Ты все равно не доберешься до рабочего места. – Ясновидящая одарила меня снисходительной улыбкой и вытащила из объемной сумки потрепанный журнал. – Это тебе.

Совершенно опешив, я автоматически приняла протянутый подарок. Искренне хотелось верить, что мрачное предсказание не сулило мне переломать ноги или лишиться памяти по дороге в офис...

Тренькнули прощальные колокольчики, женщина вышла на улицу, оставив после себя шлейф удушающего аромата и тревожную недосказанность. Секундой позже кофейня наполнилась громким гомоном. Возбужденные клерки походили на всполошенных куриц, чудом избежавших роли главного блюда на званом ужине.

– Как странно, – наконец пробормотала я с фальшиво-смущенной улыбкой, обмахиваясь заметно зачитанным прежней владелицей подношением.

– Не расстраивайтесь, – попыталась поддержать меня девушка, работающая секретарем на семнадцатом этаже офисного центра. – Она просто городская сумасшедшая.

– Да я и не...

Слова застряли в горле, потому что взгляд зацепился за обложку журнала, датированного весной этого года.

На глянцевой бумаге, рассеченной заломами, красовалась графика погибшего Алексея Протаева, из того самого пресловутого цикла о частях тела и розах. Крупные, по-мужски смелые мазки изображали руку с зажатым наподобие сигареты бордовым цветком розы. Мизинец

с круглым аккуратным ногтем украшал узкий ободок простенького колечка с дотошно выписанными символами.

Под ногами качнулся пол, а сердце бросилось вскачь. Он насылал на меня смерч из розовых лепестков, изморозью рисовал на стекле губы, пытаясь намекнуть на свой известный цикл «Части тела и розы». Вероятно, он хотел объяснить, почему появляется передо мной. Наверное, я была глупее «нерадивой феи», раз не разглядела послания в столь очевидных знаках. Получалось, что мне удивительно не посчастливилось купить счастливое кольцо, когда-то принадлежавшее мертвому художнику.

– Девушка, а где вход в эзотерический салон? – привлекая изумленные взгляды посетителей, громко спросила я у работницы кофейни.

– С внутреннего двора, – не отрываясь от работы, будничным тоном ответила она.

– Надо журнал вернуть, – для чего-то пояснила я открывшей рот секретарше. Судя по всему, вид у меня был столь же безумный, как и у предсказательницы.

Перед дверью в салон я едва сдержала нервный смешок: ведь «городская сумасшедшая» не соврала и мне действительно не удалось добраться до рабочего места. К счастью, сломанные ноги оказались ни при чем.

Я занесла кулак, чтобы постучать, но передумала и просто осторожно приоткрыла дверь. Повеяло резким нафталиновым запахом.

– Пришла? – раздался голос предсказательницы.

Внутренняя обстановка полностью соответствовала представлениям о магическом салоне у простых обывателей. Здесь нашлось место и для темных портьер, и для громоздкой старинной мебели, и для целой галереи дипломов, вывешенных на стену специально для недоверчивых клиентов. Отдельную тумбу занимала награда, полученная за выигрыш в телевизионном проекте.

Сидя в английском кресле, прорицательница сложила газету и подняла брови, выказывая внимание. Как назло, под острым, пронизательным взглядом у меня пропали все мысли.

– Журнал... – Я чувствовала страшное смущение, потому что не могла вспомнить имя провидицы. – Как вы узнали про журнал?

– Проснулась с утра и поняла, что он тебе нужнее, чем мне. – Карминовые губы ясновидящей сложились в подобие улыбки. – Меня зовут Галина.

Возникла долгая пауза. Переминаясь на пороге, я пыталась придумать, как деликатно описать возникшую проблему, но при этом не выглядеть окончательно свихнувшейся. К сожалению, идей не возникло, и, неожиданно даже для себя, я громко выпалила:

– Меня преследует мертвый человек!

– Даже так?..

– Я не сумасшедшая!

– Знаю.

Наверное, вдобавок к остальным диагнозам я заработала паранойю, потому что различила в тоне собеседницы насмешку. Мне стало так неловко, что прервать молчание удалось лишь усилием воли:

– Что мне делать?

– Присаживайся, и добро пожаловать в клуб безумцев, – ясновидящая улыбнулась своей жутковатой улыбкой.

Узкая рука с тяжелыми перстнями указала на диван. Я осторожно пристроилась на краешке. На столике передо мной стоял стакан из кофейни и чистая пепельница. Отчаянно захотелось закурить.

– Твой эспрессо уже остыл, – Галина кивнула в сторону напитка. – И я не возражаю, если ты закуришь.

– Курю, только когда нервничаю, а сейчас наступили очень нервные времена, – извиняющимся тоном пробормотала я. – Знаете, почти бросила, но...

Прозвучало глупо: ведь о деле судят по конечному результату. Невозможно поговорить по почти ловящему сигнал телефону или выпить почти налитый чай.

– Ну, если вы не возражаете...

Вытащив из сумки пачку, я прикурила и втянула горьковатый дым. Однако приятных ощущений сигарета не принесла. Голова закружилась, желудок сжался, а к горлу подступила тошнота. Пришлось поскорее отхлебнуть холодный, необычайно паршивый на вкус кофе.

– Ты должна задать все вопросы сейчас, – глядя в упор, заявила Галина. Ее страшный рентгеновский взор вынимал и выворачивал наизнанку душу. – Когда ты обратишься ко мне во второй раз, то не получишь помощи. В третий раз я вызову тебя сама.

– То есть вы уверены, что мы видимся не в последний раз?

– Ты должна понять *ego* во сне, – не обращая внимания на мою иронию, продолжила ясновидящая, – и запомнить, что когда *он* уйдет в небытие, все только начнется.

Я забыла про сигарету:

– Что это все значит? Он уйдет? Когда?

– Понятия не имею. – Прорицательница пожала плечами, заставив меня удивленно открыть рот. – Я похожа на диктофон – лишь озвучиваю то, что мне приходит свыше.

– Ясно.

Хотя мне было совершенно ничего не ясно!

– Так что же ты хочешь от меня?

– Ваш журнал... – я запнулась и затушила сигарету. – Я не понимала, почему призрак появился, а потом увидела ваш журнал. Оказалось, что мое кольцо принадлежало этому человеку.

– Ах, как забавно! – Глаза провидицы блеснули от удовольствия, она словно отгадала сложную шараду. – Так вот почему я должна была отдать журнал именно тебе!

– Когда несколько дней назад я впервые увидела призрака, то решила, что схожу с ума! И сейчас уверена, что очень скоро спячу, если он не исчезнет. Помогите мне избавиться от него! Понимаете? Я действительно нуждаюсь в помощи!

Когда страшный секрет был озвучен, с души точно свалилась стопудовая ноша – а я и не догадывалась, насколько сильно ее тяжесть давила на меня.

– Избавься от вещи мертвого, и он исчезнет, – Галина выглядела довольной.

– Не могу. Кольцо... – я сморщилась и протянула руку, демонстрируя украшение, – застряло на моем пальце.

Собеседница сфокусировалась на колечке. От последовавшего долгого молчания у меня нехорошо заныло под ложечкой. Веселость исчезла.

– Странное кольцо, – наконец произнесла ясновидящая. – Похоже на опустевший сосуд, который снова наполнили – ненавистью. Возможно, кто-то неосторожными словами разбудил старое проклятье? Будь начеку – такие вещи приносят несчастье.

Я испуганно поежилась, по спине побежали мурашки. Это был самый странный из всех разговоров, которые мне доводилось вести в своей жизни.

– А как от него избавиться-то?

Женщина задумалась, как будто прислушиваясь к внутренним голосам, потом резюмировала:

– Это украшение может снять только тот, кто уже однажды снимал его.

– И кто же? Что вам подсказывают... они? – я ткнула пальцем в потолок, намекая на высшие силы.

– Судя по всему, кольцо может снять только хозяин, – собеседница задумчиво нахмурилась, будто прикидывая, насколько верно расшифровала послание с небес.

– И как владелец это сделает, если он погиб, а его тело пропало? – окончательно расстроилась я.

– Возможно, если их соединить... – пробормотала провидица, а потом громко хлопнула по коленке ладонью, заставляя меня испуганно вздрогнуть: – Упокой их вместе!

Некоторое время я переваривала совет и наконец, не веря, что озвучу предположение вслух, медленно выговорила:

– Другими словами, я должна бросить кольцо в могилу?

Галина смотрела несколько разочарованно, вероятно удивляясь, отчего до меня так туго доходит.

– Вы имеете в виду, что призрак хочет, чтобы я нашла его исчезнувшее тело и помогла упокоиться?!

– Ну да! – мне показалось, что ясновидящая вздохнула с облегчением. Теперь она считала свою миссию выполненной. – Кстати, ты бросишь курить благодаря полицейскому.

– Чудненько... – растерянно пробормотала я.

Не хотелось думать, как с этого момента осложнится моя жизнь. Тем не менее я собиралась последовать советам ясновидящей.

Глава 3

Двойник

День померк, и в огромные окна офиса заглядывал осенний вечер. Усталое солнце оранжевым диском катилось к краю небосвода и тусклыми лучами отражалось в стеклопакетах соседних высоток. С птичьего полета город выглядел ненастоящим, словно нарисованным для компьютерной игры.

Все служащие «Волшебного ключика» разбежались по домам, стоило шефу выйти за порог, и в огромном помещении, разделенном перегородками на крошечные отдельные клетки-кабинеты, стало необычайно тихо. Только на опустевшем столе секретаря беспрерывно трезвонил телефон.

В офисе царил жара, но в моем закутке поселился арктический холод. Грея озябшие руки о кружку с горячим чаем, спиной я ощущала неотступное присутствие Алексея, нетерпеливо ожидавшего развития событий. Однако мне не хотелось привлекать внимание сослуживцев – пришлось дожидаться конца рабочего дня, а чтобы не оконечить, стащить из комнаты реквизита новенькую шубу Деда Мороза, купленную для ближайшего сезона новогодних праздников.

Полиция закрыла поиск Алексея Протаева, а потому сняла объявление о розыске с официального сайта, где были указаны телефоны горячей линии. Я перебрала больше десятка волонтерских сообществ в социальных сетях, прежде чем нашла упоминание об исчезнувшем художнике. Теперь посреди чистой страницы в рабочем блокноте красовался телефонный номер добровольца, возглавлявшего его поиск. Возможно, общение с волонтером было не самой лучшей идеей, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

Коротко выдохнув, я быстро набрала номер. Последовали бесконечные длинные гудки, и от нервного напряжения у меня вспотели ладони. Мужской голос на другом конце провода ответил резко и, несмотря на долгое ожидание, внезапно:

– Да?

– Хм...

Как всегда, в самый ответственный момент меня покинул дар речи. Подобно киношному маньяку, я дышала в трубку и не могла выдать из себя ни звука.

– Всего доброго! – рассердился собеседник.

– Подождите! У меня информация о пропавшем Алексее Протаеве! – выпалила я на одном дыхании. Последовала долгая пауза. – Алло? Вы меня слышите?

– Слышу, – сухо отозвался мужчина на другом конце провода. – Вы, конечно же, хотите встретиться?

– Встретиться? – на секунду меня охватила оторопь. Признаться, дальше телефонного звонка я планов не строила. – Что ж, давайте встретимся. Где и когда будет удобно?

– Сегодня в восемь вечера, подойдет? – он назвал дорогушее заведение в центре города. Показалось странным, что волонтер выбрал место, где обычную чашку кофе подавали за цену ужина в неплохой пиццерии. Оставалось надеяться, что мне не придется расплачиваться собственной кредиткой.

– Хорошо, там и встретимся, – согласилась я и бросила быстрый взгляд на наручные часы. Надо было торопиться, оставалось совсем немного времени. – Давайте я опишу себя, чтобы вы меня смогли узнать.

– Не стоит, – немедленно отказался собеседник, как будто являлся экстрасенсом и мог распознать внешность человека по голосу.

– Но как же?..

– Поверьте, мы не потеряемся, – усмехнулся он, заинтриговав меня до кончиков ногтей, и, не потрудившись попрощаться хотя бы из вежливости, отключился. Похоже, что в столь сложном вопросе, решающем проблемы жизни и смерти, мне посчастливилось нарваться на жуткого грубияна!

* * *

В заведении, где даже стены и потолки дышали пафосом, я появилась ровно в назначенное время, однако «одинокое мужчины, с виду поджидающего кого-то», по заверению администратора, в зале не оказалось. Пришлось попросить свободный столик.

Мне повезло занять место напротив большого окна, выходящего на переулок с шикарными бутиками и красивыми витринами. На улице давно стемнело, зажглись фонари, вспыхнули белые гирлянды, растянутые между старинными зданиями сверкающей паутиной.

Чтобы не раздражать официанта, я заказала крошечную чашечку эспresso, но лишь пригубив, отчаянно пожалела денег. На вкусовые качества цена никак не повлияла. Напиток стал терпимее лишь благодаря трем ложкам сахара, к счастью бесплатного.

– Это вы звонили по поводу Алексея Протаева? – раздался рядом приятный мужской голос.

Нацепив на лицо вежливую мину, я повернула голову и мгновением позже резко вжалась в спинку стула. Передо мной стоял живой и невредимый... Алексей, одетый в серое кашемировое полупальто.

Лишь спустя несколько секунд, точно в детской игре, где в двух почти идентичных рисунках ищут десять различий, ошеломленный взгляд обнаружил несоответствия. Рыжие волосы мужчины были очень коротко острижены, тогда как у призрака буйная кудрявая шевелюра торчала в разные стороны. Бровь двойника рассекал небольшой, но заметный шрам, а лицо покрывал ровный, красивый загар.

– Вы близнецы, – заключила я и тут же смущенно извинилась: – Простите, я не знала о семейных обстоятельствах Алексея.

– Он тщательно скрывает столь прискорбный факт биографии, – на его лице вспыхнула обаятельная улыбка – точное отражение газетной улыбки брата, моментально стершая неприятный осадок от телефонного разговора. – Вы же понимаете, гении хороши в единичном экземпляре.

От меня не укрылось, что, говоря о брате, Протаев Второй использовал настоящее время. В животе вдруг стало по-сиротски холодно. Ни в одном, даже самом страшном и липком, кошмаре мне не снилось, что когда-нибудь я выступлю в роли гонца, несущего кому-то страшную весть о смерти любимого человека. Вероятно, семья Алексея по-прежнему верила, что он жив. Мне предстояло разбить их хрупкие надежды.

– Зоя.

Представляться не имело нужды, но я бессовестно тянула время, обманывая себя, что просто следую элементарной вежливости.

– Марк. – Рукопожатие оказалось твердым и сильным. По первому впечатлению Протаев Второй относился к тому типу личностей, кто буквально подавлял мощной, физически ощутимой энергетикой. В обществе подобных людей я чувствовала себя букашкой – казалось, они знали и умели гораздо больше меня.

– Вы меня легко вычислили здесь, – я неопределенно кивнула, имея в виду довольно людной ресторанный зал.

– Вы единственная женщина без спутника. К тому же решились попробовать их отвратительный кофе, а значит, пришли сюда впервые, – мужчина расстегнул пальто, продемонстри-

ровав дорогой костюм-тройку, и занял место напротив. – Зоя, если вы не возражаете, мы опустим светские любезности и перейдем прямо к делу.

Я кивнула, мысленно прибавив к портрету визави новое качество – прямоту. Очередная черта, отпугивающая меня.

– Итак... Сколько? – Марк изогнул брови, всем видом демонстрируя дружелюбность.

– Простите? – поперхнулась я остывшим эспрессо.

– Сколько вы хотите?

– Чего?

– Денег.

– Денег за что именно?

Собеседник говорил, не убирая любезной улыбки, и я совершенно запуталась между формой и содержанием диалога. От меня явно ускользало какое-то рациональное зерно, если оно, конечно, имелось.

– Давайте проясним. Вы мне позвонили и сказали, что имеете информацию о местонахождении моего брата.

– Я сказала, что у меня есть информация об Алексее, но ничего не упоминала о местонахождении и уж тем более о деньгах!

– За последние несколько недель я получил сотни звонков, приехал на десятки встреч, и все хотели денег, – сухим тоном пояснил Протаев. – Неужели вы не заметили в объявлении слово «вознаграждение», напечатанное крупными буквами? Я появился здесь только потому, что мне стало интересно, сколько решила заработать на чужой беде девушка со столь приятным голосом.

С его губ не сорвалось ни одной грубости, но я чувствовала себя глубоко оскорбленной и напряженно произнесла:

– Судя по всему, у вас куча времени и вагон денег, раз вы тратите их настолько бездарным образом.

Все же первое впечатление никогда не обманывает. Обходительные манеры и приятная внешность никогда не закамуфлируют хама!

– И коль мы выяснили, что мне не нужен вагон ваших денег, – продолжала я, подавив несвоевременное раздражение, – то позвольте потратить десять минут из кучи вашего времени.

– Вы умеете убеждать, – притворно капитулируя, Марк развел руками, предлагая мне приступить.

Отчаянно захотелось закурить.

Избегая смотреть в лицо собеседника, я шарила глазами по залу и почти набралась смелости, чтобы открыть рот, как заметила высокую женскую фигуру, решительным шагом направляющуюся к нашему столику. Стараясь справиться с близорукостью, я прищурилась, чтобы разглядеть женщину. Лицо действительно показалось смутно знакомым.

Следуя за моим взглядом, Марк оглянулся и тут же насмешливо скривил губы.

– Я же просил подождать в машине, – произнес мужчина, когда гостыя остановилась.

Вблизи я моментально узнала в незнакомке известную модель Софью Городецкую, улыбающуюся горожанам с каждого третьего рекламного плаката. Она была дорого одета и пахла каким-то необыкновенным ароматом, который не купишь в обычном парфюмерном магазине.

– Ты сказал, что это займет пару минут. Уже прошло десять, – сдержанно объяснила Софья свое появление и надменно кивнула мне: – Так что вы хотели рассказать о моем женихе?

– Вам лучше присесть, – тихо предложила я и вдруг обнаружила, что женщина впиалась взглядом в мои руки, лежащие на столе.

– Что это? – В умело подкрашенных глазах модели вспыхнул странный огонек. – Откуда у тебя мое кольцо?!

– Твое кольцо? Ваше кольцо? – в один голос произнесли мы с Марком.

Недолго думая, я протянула руку, надеясь, что прямо сейчас модель снимет кольцо и мне удастся раз и навсегда распрощаться с этой скверной историей.

– Забирайте!

– Я тебе что, горничная, чтобы с руки цапки снимать? – сквозь зубы процедила женщина.

– Ладно... – согласилась я и попыталась сдернуть ободок с пальца, но украшение не сдвинулось ни на миллиметр. Вывод напрашивался один, и он должен был остудить гневный пыл лгуны: – Это не ваше кольцо.

– Как ты можешь говорить то, чего не знаешь?! Я сама его выбирала для Алекса! Верни мое кольцо!

Вероятно, модель не впервые закатывала скандалы на публике, не задумываясь о том, что потеря лица для столь известной особы может обернуться неприятными статьями в прессе. В отличие от невесты брата, Марк головы не терял. Пресекая зарождающуюся ссору, он встал и, сжав локоть несостоявшейся невестки, тихо произнес:

– Софья, довольно! Либо ты уходишь, либо замолкаешь.

– Заставь ее вернуть мое кольцо! – девушка бесцеремонно ткнула в меня пальцем. Она находилась на грани истерики.

– Хорошо, а пока я провожу тебя к машине, – он повернул Софью к выходу и приказал мне: – А вы не смейте никуда исчезать!

А я была готова это сделать – меня охватила паника. Сбежать из ресторана, ничего не рассказав, и пусть будет что будет! Я решительно встала.

– Марк, минуту! Оставайтесь оба.

– Вы не можете подождать? – едва сдерживая раздражение, негромко уточнил Протаев. Сцена происходила в проходе между столиками, на виду у зрителей, – прямо бульварный роман, да и только.

– Я принесла печальную весть, и я готова сбежать, – честно призналась я. – Дело в том, что вам нужно искать не живого, а мертвого человека!

Удивительно, с какой легкостью чудовищные слова вылетели изо рта и даже не застряли в глотке.

От последовавшей паузы у меня подвело живот. С застывшего лица Марка схлынули краски, в глазах появился нехороший блеск.

– Что она сказала? – ошеломленно прошептала Софья. У нее задрожали губы.

– Я не берусь утверждать точно, но кажется, он сейчас заморожен. Возможно, тело прячут в каком-то холодильнике или морозильной камере, – чувствуя себя гаже некуда, закончила я.

– Откуда вам известны такие... подробности? – ровным, бесцветным голосом вымолвил Марк. Брат Алексея явно не верил ни единому слову. Почему я даже не допускала мысли, что мне могут не поверить?!

– Просто знаю. – Смутившись, я поскорее отвела глаза.

– Просто знаете?! Вы экстрасенс? Ясновидящая? Ведьма? Или просто скучающая девчонка, которая желает поразвлечься, наблюдая за чужим горем? – На мгновение в голосе собеседника проявилась глубоко спрятанная боль. – Откуда вы можете знать, что мой брат мертв?

– Поверите, если я скажу, что несколько дней назад у меня было видение? – пролепетала я.

В ответ Марк одарил меня убийственным взглядом. Не произнеся больше ни звука, он развернулся и потащил Софью через ресторанный зал к выходу, и мне лишь оставалось бессильно наблюдать за его удалявшейся спиной.

Совершенно истощенная морально, я плюхнулась обратно на стул и в полной растерянности огляделась вокруг. Народ, явно развлеченный ссорой, из чувства фальшивой деликатности старался не коситься в сторону скандального столика.

– Ты видел? – пробормотала я едва слышно, обращаясь к Алексею. – Я попыталась, мне не поверили. Может, тебе пора отвалить туда, откуда ты пришел?

Призрак ничего не ответил.

* * *

Я таращилась в монитор компьютера, где с самого утра был открыт финансовый отчет, но едва ли могла сложить пару цифр. Голова гудела, а сердце сжималось от мрачных предчувствий.

Провальная встреча с братом Алексея оставила в душе неприятный осадок. На месте Марка, наверное, мне бы тоже не захотелось верить какой-то кликуше, утверждавшей, будто его брат-близнец мертв.

Проворочавшись всю ночь в кровати, расстроенная до слез, я так и не придумала осуществимого плана дальнейших действий, лишь бесконечно устала. От ожидания нового столкновения с призраком в каком-нибудь людном месте меня заранее охватывала оторопь и сковывало напряжение.

– Зоя Валерьевна? – тихий мужской голос, прозвучавший за спиной, заставил меня подпрыгнуть от страха на стуле.

– А?! – Я резко оглянулась через плечо.

Взгляд уперся в щегольскую бабочку синего цвета в крупный белый горох. Хозяином провокационной вещички оказался незнакомый, гладко причесанный очкарик, стоящий в проходе рядом с моим офисным закутком.

– Мы с вами... – попыталась уточнить я, уверенная, что не назначала ни одной встречи с клиентами, потому как собиралась отвезти «нерадивой фее» забытый костюм. На этот раз в комнате реквизита «случайно» остались платье и корона, а крылья из органзы вчерашним вечером чудом затерялись под моим столом.

– Нет, мы не договаривались о встрече.

На чисто выбритом лице мужчины промелькнула нейтральная улыбка.

Крошечный кабинет лишь создавал иллюзию обособленности от коллег. Невольно покосившись на новенькую сотрудницу, с любопытством выглядывающую из соседнего «чуланчика», я понизила голос:

– Тогда вы?..

– Личный помощник Протаева Марка Федоровича.

Почти с восхищением я наблюдала, как визитер вытащил из внутреннего кармана опрятного пиджака кожаную визитницу.

– Давайте притормозим с формальностями. У меня все равно нет визиток, чтобы вручить вам, – я решительно остановила официальные представления. – Зачем вы здесь?

– Марк Федорович просил привезти вас.

– Прямо сейчас? – недоверчиво вырвалось у меня.

– Именно.

Мне понадобилось не много времени, чтобы принять решение. Возможно, еще одного шанса, чтобы побеседовать с Марком, мне не представится.

– Чудненько! Но... – я запнулась, не зная имени собеседника.

– Владислав, – подсказал он.

– Владислав, мне нужно собрать реквизит для феи.

– Реквизит? – озадачился нежданный гость. – Марк Федорович не давал никаких указаний по поводу реквизита. Мы можем поторопиться? Мой босс точно не захочет ждать!

– А моя фея точно не взлетит без крыльев, – фыркнула я.

Владислав был ошарашен и смотрел на меня как на сумасшедшую. Похоже, визитер страдал полным отсутствием чувства юмора.

– Она костюм в офисе забыла, – со вздохом пояснила я.

Всю дорогу до центра, где размещался офис, исподтишка я наслаждалась зрелищем растерявшего большую часть своего лоска секретаря, обнимавшего пакет с тряпочными крыльями.

* * *

Марк Протаев работал архитектором. Его архитектурное бюро занимало трехэтажный особнячок XIX века в одном из извилистых переулков в самом сердце города. Обычно ушлые дельцы превращали подобные дома в строительных монстров, прилепляя к старинным фасадам огромные, нескладные хвосты из стеклянно-металлических конструкций, однако протаевский особняк сохранил первоначальный вид.

Внутри все было обставлено стильно и со вкусом. На стенах висели фотографии зданий, чертежи и смоделированные проекты. С дешевым полиэтиленовым пакетом, откуда выглядывали острые кончики розовых крыльев феи, я выглядела совершенно здесь неуместно.

И мне пришлось проторчать в приемной чертову прорву времени! Планы оказались сорваны, и шеф устроил мне отменную выволочку по телефону за то, что долгожданная волшебница появилась на утреннике в джинсах. К концу третьего часа, вероятно, у меня сделался столь свирепый вид, что хорошенькая секретарша за рецепцией постеснялась предлагать седьмой по счету кофе.

Наконец в приемную словно тень скользнул Владислав и тихо произнес:

– Марк Федорович ждет вас.

– Не прошло и трех часов! – поднимаясь, процедила я сквозь зубы и, сердито стуча каблуками, прошла к кабинету. Только накрепко заколоченные в подсознание отцом-военным кое-какие правила приличий не позволили мне толкнуть дверь ногой.

Внутри кабинет оказался большим и светлым. Везде, куда ни глянь, лежали бумаги, чертежи. На рабочем столе рядом с современным компьютером громоздилась неровная башня пухлых папок. На стене висела черно-белая картина с ягодицами из скандального цикла Алексея. Алая роза действительно была нарисована в виде татуировки.

По-моему, идея повесить в рабочем кабинете столь пикантную часть тела являлась либо проявлением дурного вкуса, либо эпатажем. Применительно к Марку Протаеву я затруднялась сказать, к какому из двух вариантов склоняюсь.

Он перехватил мой взгляд, изучающий полотно.

– Возможно, вы не поверите, но картину собственного брата я приобрел на аукционе. Заплатил целое состояние. – Марк поднялся и вышел из-за стола. Высокий, худощавый, одетый в простую футболку и кашемировый кардиган. – Зоя?

– Если вы попытаетесь извиниться, что заставили меня ждать два часа и... – я демонстративно глянула на наручные часы, – пятьдесят шесть минут, то я швырну в вас пакетом. Я знаю, что вам совсем не жаль.

– Вы правы, мне не жаль, – моментально согласился негостеприимный хозяин.

– Несерьезный поступок для такого серьезного человека. Из-за вас я лишилась квартальной премии.

Не обратив внимания на мое ворчание, Протаев расположился на кожаном диванчике, закинув ногу на ногу. И как только последний хам может выглядеть столь привлекательно?! Я поймала себя на том, что бессовестно таращусь на него.

Марк указал на кресло:

– Присядете?

– У вас четыре минуты. – Я села.

Стало ясно, что смерть брата Протаев обсуждать не собирался. Для чего тогда попросил о встрече? Чтобы в течение трех часов я любовалась на шикарный офис, а потом развлеклась светской беседой? Глупость какая-то!

Нас разделял низкий стеклянный столик, скрытый разложенными чертежами. Протаев без слов положил поверх бумаг пухлый конверт. Не нужно было обладать экстрасенсорными способностями, чтобы догадаться, что внутри лежала пачка банкнот.

– Деньги? – Не без интереса я заглянула в конверт и обнаружила новенькие, хрустящие купюры, видимо только-только снятые с банковского счета. – Вы так настойчиво предлагаете мне деньги, что прямо в грех вводите. За что на этот раз?

– За кольцо брата. – Марк выглядел предельно серьезным. – Я хочу его вернуть.

– Привыкли улаживать все вопросы с помощью конвертов? – усмехнулась я и, признаться, с сожалением отложила взятку. Если бы моя проблема решалась столь простым способом, то кольцо досталось бы Протаеву совершенно бесплатно!

– Здесь сто тысяч, – сухо заметил мужчина. – Недостаточно?

– Вполне достаточно. Для побрякушки, купленной ровно в двадцать раз дешевле. – Я с насмешкой заглянула в лицо противника. – Но что мы будем делать с пальцем?

– С каким еще пальцем?

– С этим! – я выставила средний палец, демонстрируя колечко. Судя по ошеломленной гримасе, на секунду исказившей лицо собеседника, жест, как и планировалось, получился хулиганский. – Для меня он бесценен.

У него поползли на лоб брови. Очевидно, он силился понять причину отказа от невероятно выгодного предложения.

– Поверьте, я не набиваю цену, просто кольцо не слезает. – Для наглядности я даже помахала рукой и, заметив, как Марк вперился в украшение, пожалела, что в выходные поленилась сделать маникюр. Но когда за тобой гоняется злобный призрак, меньше всего думаешь о красоте ногтей. – Предлагаете уступить вам и палец?

Некоторое время тянулась неприятная пауза.

– Четыре минуты прошли. Позвольте откланяться. – Я грациозно поднялась с кресла, но тут взгляд зацепился за конверт на столе. – Вы все еще собираетесь обвинить меня в вымогательстве?

– А должен?

– Ну, раз подавать в суд, то хоть за дело! – пожав плечами, с самым наглым видом я вытащила из конверта две оранжевые купюры и пояснила:

– Одна – моральная компенсация за потерянное время. Вторая – за потерянную квартальную премию.

Мужчина молчал, сохраняя непроницаемую маску. Чувствуя себя уличным скоморохом, разыгравшим шутовское представление, я поскорее распрощалась:

– Удачи.

Только в приемной до меня дошло, что пакет с треклятыми крыльями так и остался в кабинете. Как назло, секретаря не оказалось на месте, поэтому вещи пришлось забирать лично. Возвращаться после столь триумфального ухода было изошренным унижением.

Не стучась, я приоткрыла дверь и заглянула внутрь комнаты. Засунув руки в карманы, Протаев стоял у окна. Ссутуленные плечи и бессмысленный взор кричали о нечеловеческой усталости. Застав противника в столь уязвимом состоянии, какое зачастую прячут даже от родных, мне стало ужасно неловко.

Марк не сразу вышел из тягостных раздумий.

– Извините, но я оставила тут... – сконфуженно пробормотала я и, подобно мышке, прощмыгнула за забытыми крыльями. Стук каблуков в настороженной тишине звучал неприлично громко. Меня охватило смехотворное желание разуться.

– Скажи, что солгала, – прошелестел тихий, разрывающий душу голос.

– Что? – Вцепившись в пакет, я остолбенела и почти с ужасом уставилась на хозяина кабинета. В его глазах светилась боль, какую не способен вынести один-единственный человек.

– Скажи, что просто хотела заработать денег и он не мертв. Я не знаю тебя, мне наплевать, кто ты и откуда тебе известно о нем... о Леше. Пожалуйста, скажи, что все ложь.

Мы смотрели глаза в глаза. Два совершенно незнакомых человека, связанных одной смертью. Он молил вернуть ему надежду, создать призрачную иллюзию, за которую можно было бы цепляться, как за соломинку, чтобы не сорваться и жить дальше. Просто жить, как получится.

– Так ведь? – с мучительной интонацией настаивал Марк.

– Нет, – мой голос прозвучал неестественно. Боже, никогда прежде слова не давались с таким трудом. – Ты поэтому меня позвал сюда? Хотел услышать, что он жив?

На лице мужчины ходили желваки. Руки в карманах узких брюк сжались в кулаки.

– Мне жаль, – тихо вымолвила я.

Дверь бесшумно закрылась за моей спиной. Не поднимая головы, я прошла через приемную и, лишь попав на улицу, поняла, что задыхаюсь от слез.

Иногда, чтобы сказать правду, необходимо обладать огромным мужеством, а я и не догадывалась, что такая смелая.

Глава 4

Фея по вызову

Протаев атаковал меня звонками. На душе скребли кошки, но, как свидетель его минуты слабости, я испытывала неловкость и не знала, что сказать. К счастью, в выходной день достать меня через секретаря «Волшебного ключика» Марк не мог, а когда села батарейка и мобильный отключился, муки совести почти совсем затихли.

Вместе с Аней мы собирались провести пару часов в кино и уже стояли на пороге квартиры, когда хрипло затрещал домашний телефон. Мы удивленно переглянулись. В нашем доме так редко звонил домашний аппарат, что, грешным делом, мы считали его сломанным и только по инерции оплачивали счета телефонной компании.

– Кондратьева! – без приветствий завопил Борис Иванович в трубку. – Для чего тебе мобильник, если он не работает?

– Здравствуйте, Борис Иванович. – Привыкшая к взрывному характеру работодателя, я ничуть не испугалась начальственного гнева. Услышав имя надоевшего босса, Аня закатила глаза и демонстративно принялась развязывать шарф, понимая, что кино на сегодня отменяется.

– Нужна фея, срочно! – заявил шеф.

– Так она ж уехала на съемки, – пробурчала я, мысленно прибавив очередной штраф к зарплате. – Давайте пригласим принцессу, она как раз должна была освободиться к пяти вечера.

– Тут такое дело... – шеф замялся, и в этой паузе почувствовался даже некий подхалимаж. – Заказчик сказал, что видел черненькую девушку, развлекавшую детишек, на празднике у его друга. В офисе ты единственная брюнетка, так что...

– Нет! – категорично отказалась я.

Последний случай, когда мне пришлось заменять актрису, запомнился непрерывным кошмаром длиной в два часа. С крыльями на спине я гонялась по огромному центру развлечений за двенадцатилетними детьми, так же желавшими слушать фею, как блудница – проповедника, и в конце концов выяснила, что перепутала залы, а настоящая именинница осталась без предоплаченных поздравлений. Позорище!

– Ты обещала!

– Это было на прошлой неделе.

– Актерский гонорар и десять процентов плюсом в конце месяца!

– И вернете квартальную премию, – не растерялась я.

– Договорились, – с натугой скрипнули на другом конце провода.

– Эх, Борис Иванович, знаете, как заинтересовать персонал! – зубами стаскивая с ручки колпачок, пробормотала я. – Диктуйте адрес.

Я быстро записала данные заказчика и положила трубку.

– Кого на этот раз заменяешь? – с отвращением в голосе спросила сестра.

– Фею, – вздохнула я.

– Знаешь, Зойка, – Аня небрежно швырнула на тумбочку вязаную беретку, потом поймала мой предупреждающий взгляд и аккуратно пристроила ее на полке с головными уборами, – ты никогда не выйдешь замуж, если будешь так вкалывать.

– Притормози! – обиделась я. – Эта работа нас, между прочим, кормит, счета оплачивает и краски тебе покупает.

– Выйди замуж, а? – вдруг заканючила сестра. – И добрее станешь, и счета будет кому оплачивать.

Не желая тащить реквизит в руках через весь город, я переоделась в платье из жесткого кружева прямо в пустом офисе и спрятала костюм под довольно широким пальто. Только из-под ворота предательски вылезали маленькие бантики с жемчужными бусинами да из пакета торчали порядком помятые острые концы крыльев.

Новомодный жилой комплекс, адрес которого назвал заказчик, находился в престижном районе на набережной. Чтобы попасть внутрь, пришлось пройти через пропускной пункт охраны, и на ум невольно пришло сравнение с неприступной крепостью. В огромном холле, отделанном мрамором и золотом, тоже сидел охранник, посмотревший на меня с большим подозрением.

Поднявшись на лифте до указанного в адресе этажа, у дверей нужной квартиры я сняла пальто, нацепила на голову корону из жесткой проволоки, сняла сапоги, переобулась в туфли и подмазала губы яркой помадой. Когда принялась натягивать крылья – появились соседи. В их лицах нарисовалось столько молчаливого удивления, что, не удержавшись, я пояснила:

– Я фея. Меня вызвали. – И для наглядности помахала волшебной палочкой со звездой из фольги на конце.

Свидетели почли за счастье поскорее испариться из коридора, а мне стало ужасно смешно. Я ненавидела попадать в глупые ситуации, всеми фибрами души старалась избегать публичных сцен, но прямо сейчас, после появления в моей жизни погибшего художника, все это, кажется, перешло в разряд нормального.

Наконец я нажала на кнопку звонка. Спустя невероятно долгую минуту щелкнул замок. Губы сложились в самую добрую из всех доступных мне улыбок. Дверь начала открываться. Я набрала в легкие побольше воздуха и громко, на весь подъезд, завопила тоненьким детским голоском:

– С днем рождения, малы...

На пороге стоял Марк Протаев. Резко захлопнув рот, я до крови прикусила язык.

– Здравствуй, фея, – сказал он и втащил в квартиру. От резкого движения я ударилась носом о твердую мужскую грудь. Волшебная палочка, сделанная нашим костюмером из школьной указки, шлепнулась на выложенный плитками пол.

– Ты полагаешь, что это смешно?! – вырвавшись из рук мужчины, я сдернула с головы проволочную корону вместе с несколькими волосками.

Однако Марк уже развернулся и исчез в недрах квартиры.

– Заходи, – позвал он.

От унижения мне хотелось ругаться и царапаться. Кое-как стянув крылья, я отчаянно пожалела, что запихнула пальто в пакет, оставшийся в подъезде под дверью, и не могла прикрыть нелепый костюм. Наверное, стоило одежду забрать с собой, но мысль о воровстве в столь шикарном жилом комплексе, где половина квартир наверняка пустовала, казалась неуместной.

Каблуки несмело простучали по каменным плиткам. Пройдя через арку, я замерла на пороге. В комнате, озаренной естественным освещением, было немного мебели, и ничто не отвлекало внимания от потрясающего вида городской набережной в огромном панорамном окне. Вечер окутывал город, зажигались фонари и огни на фасадах соседних зданий. Меркнувшее холодное небо было так близко, что, казалось, стоит протянуть руку – и дотронешься до мягкого жидкого пуха перистых облаков.

– Что-нибудь выпьешь? – Марк стоял за барной стойкой.

– Нет.

– Симпатичное платье, – он кивнул в мою сторону и налил в высокий стакан воды.

– Что? – я сжала зубы и сделала короткий вздох, чтобы не взорваться от злости, как воздушный шар. – Ты серьезно не понимаешь, как унижительно стоять здесь в таком виде?

– Извини. – Сожаления он явно не испытывал. – Но если бы ты отвечала на звонки, то обошлись бы без сложностей.

Какого черта он отчитывал меня как школьницу?!

Фыркнув, я сердито прошлепала к стойке и схватила бумажную салфетку, намереваясь стереть яркие губы.

– Оставь, тебе даже идет, – продолжал измываться хозяин квартиры.

Одарив насмешника уничижительным взглядом, я избавилась от помады.

– Вот. – Протаев швырнул на полированную столешницу тоненькую папочку.

– Что это?

– Посмотри.

Содержимое файла вызывало оцепенение. Сухим протокольным языком, короткими, рублеными фразами излагались основные факты из моей жизни, начиная от рождения и заканчивая несчастливим днем, когда я, на свою голову, отыскала в Интернете телефон тогда еще незнакомого Марка Протаева. Среди документов даже лежала ксерокопия моего диплома.

– И что это значит? – Подняв голову, я обнаружила, что мужчина внимательно следит за моей реакцией. Только нечеловеческим усилием мне удалось сохранить самообладание. Внутри у меня все дрожало от негодования, словно чужие люди трогали мою жизнь грязными руками, превратив долгие годы в пустое описание, уложившееся на десятке печатных страниц.

– Не понимаешь? – Протаев изогнул брови и, забрав папку из моих рук, принялся читать: – Кондратьева Зоя Валерьевна, двадцать шесть лет, рост сто шестьдесят восемь сантиметров, родилась в...

– Прекрати! – перебила я. – Не нужно зачитывать мою биографию. Что ты этим пытаешься сказать?

– У меня отличное сыскное агентство, оно никогда ничего не упускает, но – вот странность – относительно Кондратьевой Зои Валерьевны сыщики не нашли ни одного факта, ни одного доказательства, что у заштатного менеджера по организации детских праздников, которая живет с сестрой, но без кошки, вдруг открылся экстрасенсорный дар. Или она неожиданно начала лечить людей наложением рук. Или предсказывать будущее. Или видеть мертвых.

Невольно у меня вырвался невеселый смешок.

Марк пронзил меня острым взглядом:

– Ты считаешь, я говорю смешные вещи? Ты считаешь, это забавно, что я пытаюсь разобраться, почему ты с уверенностью заявляешь, будто Алексей мертв?

– Стараешься подловить меня? – Я спрятала руки в складках нелепого платья с пышной пачкой вместо юбки, чтобы обвинитель не заметил, как сильно они тряслись.

– Подловить? – Он дернул уголками губ.

– Не сама ли я убила Алексея? – договорила я и, точно со стороны, расслышала в собственном голосе возмущение. – В скрупулезном описании моей биографии ты разве не прочел, что в день исчезновения твоего брата «главной злодейки» вообще не было в городе?

– Это ничего не значит.

– Ты меня раскусил! Я из любопытства прикончила известного на весь мир художника, спрятала тело в морозильной камере и дождалась объявления о прекращении розыска. Потом я решила, что такими темпами меня ни за что не раскроют, и явилась с повинной. Ты не находишь это чуть-чуть... нелогичным?

– Было бы логичнее, если бы я предположил, что тебя действительно посещают видения и сам Алексей попросил явиться к нам, чтобы устроить переполох?

– А если это так? – вырвалось у меня.

Я понимала, что, узнав правду, близнец Алексея наверняка посчитает меня чокнутой, но слова уже сами слетали с языка:

– Что, если я, менеджер в заштатной конторе, не умеющий лечить людей наложением рук, вижу мертвых?! Вернее, не мертвых, а мертвого. Точнее, твоего брата. И такого «дара», поверь мне, врагу не пожелаешь!

Признание повисло в воздухе, и наступила долгая пауза. В полной растерянности Протаев потер подбородок, потом странно взмахнул рукой, словно вел жаркий внутренний спор и пытался подыскать достойный ответ, а секундой позже... захохотал.

Он, прикрыв лицо ладонями, давился смехом, а я чувствовала себя круглой дурой. Задышавшись, Марк облокотился о стойку и закашлялся.

– Ты. Принимаешь. Меня. За. Идиота?! – Он так резко и громко шибанул ладонью по столешнице, что я невольно попятилась, вжав голову в плечи.

Пугающая веселость слетела враз. Лицо приняло жесткое, даже злое выражение, а меня охватила горькая обида. Ведь чтобы признаться, мне понадобилась уйма душевных сил, но скептик, сидящий в Протаеве, не желал верить в мистическую драму, он требовал кровавого триллера.

– Хорошо! – выходя из себя, рывкнула я и выпалила на одном дыхании: – Я видела, как убивали твоего брата, а после поехала за преступниками на склад мясоперерабатывающего комбината, где проследила, как тело прячут в морозилке, чтобы потом пустить на котлеты!

– На котлеты? – тихо повторил противник.

Ну, ясно, все это звучало столь дико, что не поверил бы ни один здравомыслящий человек.

– Именно! А может, на колбасу! Поехала за ними на своем «Мерседесе»! – осекшись, я нарочито задумалась и с фальшивым раскаянием поморщилась: – Хотя извини, неловко соврала. Ты уже знаешь из досье, что у меня нет машины, тем более «Мерседеса», да и водительских прав тоже нет.

От возникшей тишины зазвенело в ушах. Гнев, распиравший меня изнутри, выплеснулся без остатка, и я сдулась, как воздушный шар.

– Господи, фея, – после долгого молчания устало пробормотал Марк, – откуда ты свалилась на мою голову?

Никогда в жизни я не чувствовала себя более паршиво, чем в ту минуту, когда глядела в безжизненное лицо мужчины, всего несколько дней назад полного энергии. Похоже, что-то сломалось в нем.

* * *

Домой я возвращалась в самом мрачном настроении. Полупустой поезд метро стучал по рельсам. В черном окне отражалось мое осунувшееся лицо. Под лихорадочно горящими глазами залегли тени, обветренные губы были обкусаны, длинные волосы торчали в разные стороны. Непроизвольно я пригладила макушку, без успеха пытаясь придать своему внешнему виду опрятность. Казалось, несчастливое кольцо на пальце, принадлежащее мертвому человеку, по капле выщезивало из меня жизненные соки.

Неожиданно лампы мигнули – и еще раз – словно в вагоне ослабело напряжение. Установилось сумрачное освещение, от которого сильно уставали глаза. Все краски сгустились и потемнели, а тени приобрели резкость и четкость. Грохот поезда утонул в неясном, шипящем шепоте. Потусторонние голоса хохотали, переговаривались. Их гвалт становился громче, нарастал, словно гул снежной лавины. Однако пассажиры ничего не замечали и не проявляли беспокойства.

Воздух задрожал, поплыл, и в неприятном мерцании причудливым, пугающим образом стало меняться пространство.

Руки импозантного соседа, читавшего медицинскую газету, вероятно доктора, оказались вымазаны в темной густой крови. На тонкой желтоватой бумаге оставались четкие следы от пальцев, линии и изгибы...

У одной из подружек, весело щебетавших напротив меня, из черного рта вырвалось змеиное жало. У второй красовались длинные клыки, царапающие губы, на руках – кривоватые звериные когти вместо ногтей.

Грустный юноша, понуро сидящий в дальнем конце вагона, преобразился в заплаканного клоуна с размазанным по угрюмому лицу толстым слоем грима и помады.

К счастью, остальные попутчики не потеряли человеческого облика.

Я оцепенела, ни жива ни мертва. Кольцо на пальце горело, раскалившись добела. Физическая боль, которую я ощущала, доказывала, что происходящее вокруг не сон и не сумасшествие, а реальность. Станный свет точно сорвал личины, оголив истинную сущность незнакомцев. Мне не хватило духу посмотреть на отражение в черном стекле, чтобы выяснить, есть ли у меня самой спрятанные от чужих глаз демоны и как они выглядят...

Звериные маски задрожали, сократились, словно бесы пытались вырваться на свободу, но увязли в телах своих носителей. И вдруг – вырвались на свободу! От слышного только мне хлопка я испуганно моргнула. Жутковатые тени, очертаниями похожие на людей, заскользили в проходе. Они точно что-то разыскивали: останавливались возле ничего не подозревавших пассажиров, принюхивались. Кого-то трогали за волосы, касались лиц, и тогда несчастные начинали ежиться или надрывно кашлять.

В голове застучали тревожные молоточки. Не смотреть! Тогда страшные сущности не догадаются, что я могу их видеть!

К счастью, окно вагона просветлело. Замелькала заполненная недружелюбным народом станция. Стараясь двигаться как можно спокойнее, я встала и с безразличным лицом прошла к выходу. В спину задышало острым, тревожным холодом. Похоже, пугающая тень находилась совсем рядом, и от напряжения выдержка оставила меня. Потеряв контроль, я быстро оглянулась через плечо, чтобы просто проверить, не трогает ли кто-то мои волосы, не касается ли одежды? Взгляд остановился на темном пятне, заменявшем существу лицо. Удалось различить провал глазниц, намек на нос и округлившийся, неестественно широко открытый рот. От испуга из груди вырвался судорожный вздох.

И демон догадался, что, в отличие от других, я его вижу!

Автоматические двери раскрылись, позволяя мне вырваться на свободу. Бесы бешено заметались по вагону, не имея возможности броситься следом за мной. Пока я торопливо шагала по платформе, существа, похожие на огромные лоскуты тьмы, бились в стекло, корчили страшные рожи.

И вдруг случилось ужасное! Одна из подружек вспомнила, что ей пора выходить, и ринулась к дверям сквозь напирющую внутрь толпу. Демон метнулся следом за хозяйкой. От ужаса у меня остановилось сердце. Яростно расталкивая зазевавшихся людей локтями, я старалась поскорее покинуть платформу и исчезнуть из поля зрения потусторонней твари.

Остальные события запомнились мне непрерывным кошмаром. Бес бросился в мою сторону. В ту же секунду над содрогнувшейся толпой пронесся истеричный вопль. Оказалось, что кто-то толкнул длинноволосую девушку, одетую в точно такое же, как у меня, пальто. Только чудом бедняжка не слетела на стык между вагонами, а только скользнула с края платформы. Из полиэтиленового пакета выпали бумажные крылья с приклеенными перьями и пухом.

Мгновение спустя незнакомку, подобно кокону, обхватила тень. Женщина надрывно закашлялась, хватаясь за горло. С лица молниеносно сошли краски. Щеки стремительно впадали, глаза потемнели, превращаясь в черные зеркала, губы посинели. Живая, полная сил женщина на моих глазах превращалась в иссохшую мумию.

– Вызовите «Скорую»! – заорал кто-то прямо мне на ухо.

Крик спугнул призрака, наваждение схлынуло. Вокруг умершей за секунды девушки собиралась возбужденная толпа. Смертельно испуганная, я бросилась вперед.

Руки тряслись, колени подгибались, к горлу подступал тошнотворный комок. И не удалось избавиться от мысли, что со спины брюнетка поразительно походила на меня.

* * *

Перепрыгивая через ступеньку, я буквально взлетела по лестнице к гадальному салону ясновидящей Галины. К моему удивлению, дверь оказалась открытой настежь. В растерянности я замерла на пороге, не веря глазам. Помещение было абсолютно пустым! Только на стене, там, где висели сертификаты в рамках, остались торчать гвоздики.

Неожиданно на меня напал нервный смех. Не удержавшись, я хихикнула в кулак, и по гулкой студии разошлось истеричное эхо. Галина оказалась права, когда предсказывала, что во второй раз мне не удастся получить помощь. Как я ее получу, если она переехала в неизвестном направлении? Кто теперь сможет объяснить, что именно произошло на станции подземки?!

Без сил я рухнула на верхнюю ступеньку лестницы и в отчаянии закурила. От табачного вкуса во рту стало кисло. Наплевав на правила пожарной безопасности, я с брезгливой гримасой затушила только-только прикуренную сигарету прямо о пол.

Мне стал невыносим этот бесконечно долгий, изматывающий день. Нацепить бы тряпичные крылья феи и улететь за тридевять земель.

Я опустила голову на колени и, чтобы успокоиться, принялась медленно считать до ста.

Один. Два. Три...

Говорят, что небеса посылают человеку только те испытания, которые он в состоянии выдержать. Означает ли это, что в некоторых испытаниях мы можем выстоять лишь ценой душевного здоровья?

Глава 5

Размороженный

В понедельник с утра, во время завтрака, грянул телефонный звонок, заранее испортив день, да и всю рабочую неделю. Возможно, у меня начиналась паранойя, но привычное стрекотание мобильного отчего-то звучало грозно и вызвало нехорошее предчувствие.

– Хочешь, я отвечу? – предложила Аня с набитым кукурузными хлопьями ртом. – Вдруг твой бывший названивает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.